

● антропология образования ● образовательная антропология ● историческая катастрофа ● беспризорность ● социальное сиротство ● со-бытийная общность ● со-бытийное пространство ● коллектив ● взросление

Прежде всего, необходимо различить содержание двух важнейших понятий антропологического подхода в современном образовании — это «антропология образования» и «образовательная антропология».

В антропологии образования данное содержание задано абсолютным образом совершенного человека, или по-другому — «*собственно человеческим в человеке*». И теперь уже именно этим образом должен быть обустроен весь универсум образования — в своей предельной идеологии, в своих знаниях, технологиях и структурах.

В свою очередь, в образовательной антропологии данное содержание и образ человека задаются ситуативно — на потребу дня, на злобу дня и т.п. Образовательная антропология — это натуральный, социально и культурно детерминированный опыт *понимания человека через призму существующей, хотя и изменяющейся практики образования*. Можно сказать, каждая исторически определённая практика образования вырабатывает свой исторически же ограниченный образ человека — со своей технологией или педагогикой культивирования этого образа.

В стабильных обществах эти две системы знаний — конкретная антропология образования и идеальная образовательная антропология всегда находятся в комплиментарных отношениях. Именно они и являются основанием воспроизводства и трансляции во времени оптимальных общественных форм жизни детей и взрослых. Духовно-нравственный идеал собственно человеческого в человеке плохо-бедно, чаще — и плохо и бедно, но воплощался в наличной образовательной антропологии. Так было у нас до революции, так было и во второй половине XX столетия.

Прикладная антропология в педагогике А.С. Макаренко

Виктор Иванович Слободчиков,

член-корреспондент РАО,
профессор, доктор
психологических наук

В.И. Слободчиков. Прикладная антропология в педагогике А.С. Макаренко

Принципиально иная ситуация складывается в период исторических катастроф: у нас это революция 1917 года, Гражданская война, коллективизация и, как их теперь называют, «лихие 90-е», когда происходил тотальный слом общественного, экономического и духовного строя страны. Разрушение и дискредитация духовно-нравственных идеалов, моральных устоев и социальных ориентиров во взрослом сообществе приводит к главному катастрофическому результату подобного слома — к чудовищной детской преступности и беспризорности.

Не будет большой натяжкой заключить, что и сегодня большая часть детского населения нашей страны находится в ситуации беспризорности, социального сиротства и придонного существования. И сегодня — дезинтеграция устойчивых форм общественной жизни привела к атомизации, взаимному отчуждению людей, а тем самым — и к предельной безответственности друг перед другом (не перед кем стало отвечать — каждый сам по себе). И именно поэтому так востребован педагогический опыт, а более точно и по существу — прикладная антропология, которую открыл и воплотил Антон Семёнович Макаренко в начале XX столетия.

Я думаю, что и по сей день мы имеем дело с пока ещё плохо прочитанным и плохо понятым А.С. Макаренко. Ещё ждёт своего часа сочувственное внимание к наследию А.С. Макаренко, в котором он раскроется и как гениальный педагог, и как блестящий социальный психолог, и как теоретик педагогической антропологии. В отличие от нас наши западные коллеги осваивают наследие Антона Семёновича и более фундаментально, и более успешно.

Вот как пишет о нём германский исследователь В. Зюнкель: «В числе многих выдающихся педагогов *последних четырёх столетий* (курсив мой. — В.С.) <...> лишь семеро настолько выделяются среди остальных, что их, прибегая к альпинистскому сравнению, можно отнести к вершинам-восьмитысячникам. Макаренко в этом ряду является самым молодым. Остальные — это Коменский, Руссо, Песталоцци, Герbart, Шляйермахер и Фребель. <...> Допустимо считать, что... Макаренко и внутри «великолепной семёрки» наиболее заметен» [1]. Несомненно, что сегодня существует особенно острая необходимость в новом прочтении педагогического наследия А.С. Макаренко, в новом осмыслении его педагогического опыта.

Поэтому в своём сообщении я хотел бы рассмотреть педагогическую систему А.С. Макаренко в целом, как она сложилась в его педагогической практике, в его произведениях, но также в педагогическом опыте его последователей и ближайших учеников: Калабалиных Семёна Афанасьевича и Галины Константиновны, которые в 50 — 80-е гг. XX столетия продолжали дело Антона Семёновича. (Человеческий и педагогический талант семьи Калабалиных прекрасно раскрыт в трилогии Ф. Вигдоровой [2].) И такой целостный взгляд позволяет заключить, что педагогика А.С. Макаренко — это хорошо прорабо-

ПЕДАГОГИКА И ПОЛИТИКА

танный, богато инструментированный и блестяще реализованный проект прикладной педагогической антропологии.

Несомненно, что А.С. Макаренко был одним из первых и наиболее масштабных продолжателей, а главное — воплотителей концептуального проекта отечественной педагогической антропологии, у истоков которой стоял К.Д. Ушинский. Конечно, за идеологизированной фразеологией 20–30-х годов прошлого столетия очень трудно было рассмотреть сущность и внутренний строй этого концепта. Однако прозорливые идеологи коммунистического воспитания (например, в лице Н.К. Крупской) довольно быстро расшифровали проектный замысел Антона Семёновича, и понятно, что весь «соцвос» (адепты «социалистического воспитания»), как его называл сам А.С. Макаренко, принял этот замысел, да и самого А.С. Макаренко, «в штыки».

И понятно — почему. С самого начала в советской педагогике интенсивно конструировался принципиально другой, ортогональный проект — проект формирования Нового человека, строителя коммунизма, человека беззаветно преданного делу партии большевиков и её вождям. Именно эта идеологема господствовала, то усиливаясь, то слабев, вплоть до обрушения Советского Союза и его институтов коммунистического воспитания. Но это всё потом. А в начале — в 20-х годах? Стоит только вдуматься — продуктом каких социальных, антропологических катастроф были воспитанники А.С. Макаренко. Это были дети революционной смуты, Гражданской войны, позднее — коллективизации. Предельная социальная, моральная деградация личности (социально-психологическая дефективность — по терминологии педологов) вплоть до одичания и расчеловечивания.

Гениальность социально-педагогического открытия А.С. Макаренко (а это именно открытие XX столетия в гуманитарной сфере) и его практического воплощения состояла в том, что он вынужден был решать сразу две беспрецедентные задачи.

Первая — нужно было вернуть беспризорному ребёнку человеческое обличье и тем самым возратить его в человеческое сообщество. Однако, в какое сообщество? Ведь старые формы общественной жизни были разрушены или дискредитированы революцией, а новые существовали лишь в фантазийной коммунистической идеологии.

Отсюда вторая задача: нужно было экспериментально нащупать и утвердить главный смысл, абрис, структуру этого нового и жизнеспособного сообщества. Найти осмысленную, одновременно реабилитирующую и развивающую форму человеческого общежития, форму совместной, полноценной жизни и деятельности взрослых и детей.

Известно, что, создавая горьковскую колонию, Антон Семёнович протудировал огромное число педагогических и философских работ в поисках ответа на свой главный вопрос: где и как возможно обретение человеком собственной сущности. Для А.С. Макаренко было

В.И. Слободчиков. Прикладная антропология в педагогике А.С. Макаренко

очевидно, что воспитание подлинно человеческого в человеке невозможно в пределах его кожного покрова, в границах отдельного индивида, отдельной особи. Здесь кроме капризного, а чаще — истерического своеобразия никакого другого материала нет. Собственно «человеческое» находится не внутри индивида, а между, в пространстве человеческих взаимоотношений, в пространстве человеческих объединений, в пространстве детско-взрослых общностей.

По сути дела, именно в этом и состояло гениальное педагогическое и социальное открытие А.С. Макаренко, главный пафос утверждения в педагогическом сознании и педагогической практике *коллективных форм организации* совместной жизни и деятельности детей и взрослых в границах проектируемого образовательного пространства. Такого пространства, которое никогда не совпадает и не может совпадать с границами воспитательного учреждения. Достаточно внимательно прочесть даже художественные произведения Антона Семёновича, чтобы убедиться, что пространство образовательной деятельности колонии, коммуны выходило далеко-далеко за их пределы.

Коллектив, как его понимал Антон Семёнович, — это и есть реальное жизненное, со-бытийное пространство, где осуществляется становление *собственно человеческого в человеке*. Живая общность, сплетение и взаимосвязь жизней детей и взрослых, их внутреннее единство и внешняя противопоставленность друг другу указывают на то, что взрослый для ребёнка (или вообще один человек для другого) не просто одно из условий его развития наряду со многими другими. Не просто персонификатор и источник общественно выработанных способностей, а фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения человеческой реальности, основание нормального развития человека и его полноценной жизни. Более того, с антропологической точки зрения, как взрослые без детей — бессмысленные существа, так и ребёнок без взрослых — существо невозможное.

Именно духовно-деятельностная, детско-взрослая, со-бытийная общность людей есть основание и источник развития сущностных сил каждого человека, его базовых способностей быть человеком.

Подлинная личность и даже *индивидуальность* могут быть выстроены только из материи общественно-культурной жизни. Другого материала в руках взрослого, педагога просто не существует, если не считать такой материей натуральную телесность, присущую каждому из нас. Но из телесности можно построить только тело, а перед А.С. Макаренко стояла важнейшая — подлинно антропологическая задача: вырастить человека во всей его полноте, во всех его духовно-душевно-телесных измерениях. Человека как субъекта собственной жизни, как личности во встрече с Другими, как индивидуальности перед лицом Абсолютного Смысла бытия, перед Богом. Или, говоря словами А.С. Пушкина, сделать его *способным к самостоянию* во всех обстоятельствах своей жизни.

ПЕДАГОГИКА И ПОЛИТИКА

В начале 30-х годов XX века А.С. Макаренко направил своего блестящего ученика и верного сподвижника С.А. Калабалю на своеобразное апостольское служение. Семён Афанасьевич должен был показать тогдашнему «Педагогическому Олимпу», как называл сам А.С. Макаренко идеологов «соцвоса», что педагогическая система, созданная им в колонии им. М. Горького и коммуне имени Ф. Дзержинского, даёт блестящие результаты не только в работе с малолетними правонарушителями. Но и в обычных детских домах — с детьми, педагогически запущенными, оставшимися без попечения взрослых.

С.А. Калабалин показал и доказал удивительную педагогическую эффективность и методическую инструментальность воспитательной системы А.С. Макаренко своим — более чем сорокалетним опытом подвижнической работы с трудными детьми, свидетелем чего в 50 — 70-х годах прошлого столетия был и автор этих строк.

Через отцовские, материнские, учительские руки семьи Калабалиных прошли тысячи подростков, лишённых родителей. Многие из них — с уже изломанными судьбами, но выправленными, исцелёнными благодатной Встречей с Семёном Афанасьевичем и Галиной Константиновной и обретшими свой собственный, уже неслучайный образ жизни и деятельности. Известно, что ни один из воспитанников Калабалиных после такой со-бытийной Встречи не оказался повторно в паутине правонарушений. И это — ещё одно блестящее подтверждение грандиозности и конструктивности педагогики А.С. Макаренко.

В педагогике С.А. Калабалю я выделил бы две доминанты: первое — это *преобразование* (буквально преобразование) казённого учреждения для интернирования неблагополучных детей (приюты, колонии, сиротские дома) в действительный Дом (с большой буквы) для *совместного* осмысленного, насыщенного делами жительство детей и взрослых.

Всякий Дом держится укладом, там, где уклад, там и *клад, и лаг*. Никакое целое — ни дом, ни семья, ни Царство не устоят, если в них разлад, если они внутренне расколоты.

Уклад дома держится Единством, общностью взрослых и детей: единством духа, смысла, верой и верностью им; общностью дел — совместных, сопряжённых, распределённых меж старыми и малыми.

Итак, это *первый и главный* Постулат педагогики С.А. Калабалю и А.С. Макаренко: *образование, становление человеческого в человеке начинается и пребывает там, где складывается человеческая общность; неслиянно-нераздельная со-бытийная общность*. И прежде всего — детско-взрослая иерархически устроенная со-бытийная общность.

Именно с решения этой первой фундаментальной педагогической задачи начинал своё служение Семён Афанасьевич в неблагополуч-

В.И. Слободчиков. Прикладная антропология в педагогике А.С. Макаренко

ных детских учреждениях. Вслед за А.С. Макаренко он знал (в том числе, и по себе знал), что только на этой основе, на этом фундаменте можно приступить к решению *второй*, не менее фундаментальной, не менее сложной педагогической задачи — задачи *воспитания* подлинно человеческого в человеке. Нужно было и в этом деянии, в деле воспитания выявить и утвердить его главный смысл и ориентир. Я считаю, что для С.А. Калабалина самое главное, самое существенное в воспитании растущего человека было *его взросление*. И это *второй Постулат* со-бытийной педагогики С.А. Калабалина.

Культура взросления — дело трудное для педагога и даже болезненное для самого растущего человека. Взросление нужно специально обустроить, в истинном смысле — культивировать, в противном случае — инфантилизм и дикость в поведении, социальная инвалидность и душевная опустошённость. Для малых детей это *пограждение* совершенным образцам взрослого поведения; для подростков — *опыт самостоятельности*; для молодых и юных — *самостоятельность*.

Что есть взрослость? Это не паспорт и это не физиология; это первым и главным образом, полнота *ответственности*, ответственность за всё, что вокруг меня и во мне самом. В укладном, со-бытийном Доме — это ответственность за старых и малых. Ответственность — это всегда *ответ* Вопрошающему; мы знаем две предельные инстанции, перед которыми держим ответ — перед Богом и людьми, перед Высшим и ближним.

Вот в таком со-бытийном пространстве воспитания, в пространстве взросления нам посчастливилось возрастать в свою, Богом данную нам меру. Именно в таком пространстве, которое было сотворено со-бытийной педагогикой С.А. Калабалина в Клеменовском детском доме.

В понятии «воспитание» соприсутствуют фактически два важнейших педагогических содержания: воспитание как *вос-полнение* каждого до Образа совершенного человека и воспитание как *на-пита-ние* его качественной образовательной пищей. И эту задачу А.С. Макаренко и С.А. Калабалин решали блистательно и вполне осознанно. Иллюстрацией чему могут служить слова Антона Семёновича Макаренко, сказанные тогдашним образованцам в коммуне Ф. Дзержинского: *мы здесь не фотоаппараты, мы здесь — люди делаем*. К великому сожалению, если продолжить его образное педагогическое кредо, сегодня наше образование не способно не то что людей делать, но даже и фотоаппараты.

Очевидно, что так понятое воспитание — это не социальная дрессура по формированию полезных социальных качеств, причём — мыслимых и немыслимых, и сразу всех, и по отдельности. Именно из такого понимания воспитания (как натаскивания и дрессуры) выдумывается бессмысленное множество его направлений: интеллектуальное, морально-нравственное, художественное, физическое, и несть числа этим воспитаниям. Справедливости ради, надо

ПЕДАГОГИКА И ПОЛИТИКА

отметить, что и упование на так называемое *свободное воспитание* — не более чем иллюзия; здесь существуют свои неочевидные, скрытые техники целевой дрессуры и манипуляции.

Конечно, обозначенный комплекс идей в разной степени подробности уже рассматривался и воплощался в педагогике К.Д. Ушинского, С.А. Рачинского и др. Однако современная психолого-педагогическая наука, ориентированная на образование человека ещё только-только подступает к теоретико-концептуальному оформлению этих идей. Общим названием такого концептуального подхода может быть *антропология образования*, которая призвана в целом удерживать весь процесс становления «собственно человеческого в человеке».

Для построения такой антропологии должен сложиться умный, терпеливый и доброжелательный союз научной психологии, педагогики и православного богословия. Принципиально необходима *гармонизация* (а не бесплодный параллелизм или разрушительные несогласия) систем знаний о человеке. Союз христианской *антропологии* — как учения о происхождении, назначении и абсолютных смыслах жизни человека; *психологической антропологии* — как учения о закономерностях становления «собственно человеческого в человеке» в интервале его индивидуальной жизни; и *педагогической антропологии* — как учения о путях становления базовых способностей, сущностных сил человека в универсуме образования. Кстати, нелишне будет напомнить, что в переводе с древнелатинского одно из значений слова «гармония» — *согласие принципиально разногласного*.

Именно в свете такого, согласованного и целостного знания о высшем назначении и призвании человека, знания о закономерностях и путях становления «собственно человеческого» возможно обустроить современное отечественное образование как наиболее естественное и адекватное место Встречи личности и общества, место обретения и раскрытия подлинного замысла о каждом из нас.

Литература

1. *Зюнкель В.* В Эрлангене изучают Макаренко // Советская педагогика. 1990. № 4.
2. *Вигорова Ф.* Дорога в жизнь. Это мой дом. Черниговка. М.: Советский писатель, 1972.